

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ БУЛГАРО-ТАТАРСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ

© 2017. Н.Г. Набиуллин

PROBLEMS OF PRESERVATION BULGARO-TATAR CEMETERIES

Некрополи являются особыми объектами культурного наследия, которые в целях сохранения предлагается рассматривать как часть системы культурно-природного ландшафта и одновременно как места совершения древних религиозных обрядов.

Ключевые слова: археология, Волжская Булгария, Улус Джучи (Золотая Орда), охрана памятников, некрополи, могильники, надмогильные камни.

Cemeteries are a special objects of cultural heritage, which must be preserved and may be considered as part of the cultural and natural landscape and at the same time as of the place of ancient religious ceremonies.

Keywords: archaeology, Volga Bulgaria, the Jochi Ulus (the Golden Horde,) protection of monuments, cemeteries, burial grounds, gravestones stones.

Типичные проблемы сохранения болгаро-татарских некрополей проиллюстрируем на примере Крутогорского могильника комплекса Джукетау и Старо-Ромашкинского кладбища (Набиуллин, 2003, с. 44–61; 2013, с. 144–148). Оба некрополя расположены на территории современного Чистопольского муниципального района РТ и в силу своей научной значимости единственными здесь получили категорию памятников российского (федерального) значения еще в советское время, в середине прошлого века (Постановление № 1327). Территория Джукетау, кроме этого, имеет еще и статус историко-культурной заповедной территории, где Крутогорский могильник расположен в границах зоны с резервационным режимом использования (Постановление № 542). В плане сравнения потенциальных проблем сохранения этих памятников можно добавить, что первый расположен в черте современного города Чистополь, часть его занята Чистопольским элеватором, он не имеет внешних признаков; второй – в отдалении от населенных пунктов, здесь сохранились надмогильные камни (знаки) золотоордынского времени.

Не останавливаясь здесь на характеристиках названных некрополей, укажем лишь, что каждый из них является представительным памятником домонгольского и золотоордынского периодов болгаро-татарской истории соответственно. Изученная часть

Крутогорского могильника – один из ранних участков Джукетау. Сохранившиеся надмогильные памятники Старо-Ромашкинского кладбища датируются в пределах 1305–1335 гг., что сопоставимо с другими близлежащими относительно синхронными памятниками – Татарский Толкиш (1348), Джукетау (1320), татарское кладбище на территории г. Чистополь (1309–1321), памятник с утраченным местом нахождения, хранящийся в городском Краеведческом музее (1335) и др.

Площадка Крутогорского селища – традиционно одно из любимых мест пикников со всеми соответствующими атрибутами и последствиями. Она захлавлена мусором, отходами производства Чистопольского элеватора. В 1997 г. здесь был открыт могильник, получивший одноименное селищу название. Он был открыт при осмотре обнажений траншеи: пытаюсь предотвратить вывоз зерна с элеватора, его администрация периодически перекапывает участки проезда, что приводит к новым разрушениям и повреждениям памятника.

Начиная с 2007 г. в нарушение режимов содержания и использования историко-культурной заповедной территории «Джукетау» велось строительство комбикормового цеха. Это привело к непосредственному повреждению и разрушению участков Крутогорского селища и могильника и негативным последствиям – общему возрастанию антропоген-

ного воздействия на объект археологического наследия и окружающий исторически сложившийся природно-культурный ландшафт, включающий в том числе расположенную в непосредственной близости линию оборонительных сооружений городища.

В 2010 г. в непосредственной близости от последних на площадке могильника были построены очистные сооружения Чистопольского элеватора, к которым с его территории подходит линия ливневой канализации. Сток канализации выводится на участок естественного склона, проходит по указанной несанкционированной траншее, повреждает культурный слой, захоронения и другие объекты, размывает плодородную почву, вызывает прогрессирующую овражную эрозию. Сток канализации проходит недалеко от места старого родника, который планировалось благоустроить, и впадает в приток р. Кама.

Примером масштаба и стремительности утраты немногочисленных сохранившихся надмогильных камней является другой памятник – Старо-Ромашкинское кладбище («Ханское кладбище», «Ташбилге»). В 1920-е годы основатель Чистопольского музея А.К. Булич фиксировал здесь «двенадцать каменных могильных плит с арабскими надписями... Прежде таких могильных памятников было значительно больше – еще недавно *около ста плит* (курсив наш. – Н.Н.), но затем они были разбиты и расхищены местным населением» (Булич, 1926, с. 78). Статус категории памятника российского (федерального) значения, полученный еще в советское время, никак не повлиял на его сохранность. Сравнение опубликованных в 1970-х годах материалов (Хакимянов, 1978, с. 112–117, 130, 131, 170–175, 182, 183) с современным состоянием эпиграфических памятников показывает, что некоторые из них ныне утрачены (не найдены, не идентифицированы), перемещены, повреждены; эпитафии, особенно рельефные, читаются хуже.

Примерно такая же картина выявляется в отношении эпиграфических памятников татарского кладбища на территории г. Чистополь, при том дополнении, что оно является еще и действующим (Гариф и др., 2009. С. 346–357).

В современном российском законодательстве, регулирующем правовые отношения в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия, под сохранением понимаются меры, направленные на обеспечение

физической сохранности и сохранение историко-культурной ценности объектов культурного наследия (№ 73-ФЗ, п. 1 ст. 40).

В перечне элементов (объектов) археологического наследия, имеющем в целом довольно неупорядоченный вид, какой-либо их дифференциации, в том числе в смысле соотношения целого и части, нет. Перечень содержит в том числе и прямые указания на «стелы», «грунтовые могильники», «древние погребения», «места совершения древних религиозных обрядов» и другие элементы археологического наследия (№ 73-ФЗ, ст. 3). Получается, что по умолчанию в их отношении действуют общие правила, согласно которым «в случае невозможности¹ обеспечить физическую сохранность объекта археологического наследия под сохранением этого объекта археологического наследия понимаются спасательные археологические полевые работы... с полным или частичным изъятием археологических предметов из раскопов» (№ 73-ФЗ, п. 2 ст. 40).

Очевидно, нужно признать, что некрополь и его первичный «объект» – он же субъект некогда существовавшей исторической действительности – если в правовом понимании и является так называемым «объектом недвижимого имущества», то весьма специфическим.

В отношении надмогильных камней напрашивается соответствие в виде обычно не употребляемого в болгаро-татарской археологии правовому понятию «стела», применимого, на наш взгляд, прежде всего к объектам вне контекста (в том числе музейным предметам). Находящаяся *in situ* «стела» одновременно является элементом «неделимой сложной вещи», причем не отдельно взятого «древнего погребения», а «грунтового могильника». При таком подходе предмет охраны расширяется, и под него подпадают в том числе и «частично или полностью скрытые в земле... следы существования человека в прошлых эпохах... основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки...» (№ 73-ФЗ, ст. 3).

Критерии и методы определения границ объекта археологического наследия (территории объекта археологического наследия), актуальные для памятников типа поселений, как известно, для некрополей имеют свои

¹ При этом непонятно, что такое «невозможность»; видимо, какая-то неведомая производственно-хозяйственная необходимость.

особенности и не всегда применимы при обосновании их границ.

Теоретически при наличии двух и более надмогильных знаков, принадлежащих одной археологической культуре, независимо от степени их синхронности участок между ними становится вероятной территорией некрополя и потенциальным для локализации новых объектов. Но, во-первых, крайние сохранившиеся *in situ* надмогильные знаки дают площадь, меньшую по сравнению с совокупной потенциальной площадью некрополя; во-вторых, такой способ не работает в отношении некрополей без сохранившихся внешних признаков.

Применительно к некрополям также стоило бы сразу же исключить непосредственную увязку с культурным слоем не только в связи с известными особенностями его формирования на таких территориях, но и вероятностью подмены объекта другим, например, перекрывающим или подстилающим некрополь культурным слоем селища.

Здесь хотелось бы заметить, что легальное определение «культурного слоя» к тому же может быть буквально истолковано так, что для признания его таковым необходимо неперемное условие включать в себя «археологические предметы» («движимые вещи»). Другими словами, возможна ситуация, когда связанный с некрополем какой-то культурный слой (в научном понимании) со «следами существования человека в прошлых эпохах» и будет выявлен, а «археологические предметы» в нем – нет, что тем более неудивительно для некрополя, особенно мусульманского².

Это иллюстрирует пример Крутогорского могильника, с площадки которого по склону сползал почвенный слой, в результате чего сформировались достаточно мощные напластования практически без находок (Хамзин, 2016, лл. 17–25).

По этим же материалам культурные остатки содержатся в синхронных отложениях на противоположной стороне естественного оврага, что позволяет предположительно

рассматривать его как границу данного участка некрополя (там же).

Подобные известные особенности топографии некрополей (ограниченность оврагами, ложбинами и др.) при определении их границ обычно учитываются как дополнительные признаки (критерии), т.к. эти предположения умозрительны без раскопок, проведение которых, в свою очередь, вне охранно-спасательных задач, особенно на некрополях, весьма нежелательно.

На наш взгляд, указанные критерии могут стать и одними из основных, если попытаться подойти к некрополю как части системы культурно-природного ландшафта и одновременно как «месту совершения древних религиозных обрядов».

Строго говоря, в «собственно» археологическом или узком смысле слова под «местами совершения древних религиозных обрядов» следовало бы подразумевать непосредственно их материальные остатки, следы³. Однако очевидно, что при подходе к подобным объектам с точки зрения исторической науки или как к объектам историко-культурного наследия они не являются в полном смысле материальными или исключительно материальными.

Это важно отметить, поскольку, на наш взгляд, здесь мы встречаем своеобразные «осколки» первоначального понимания сути историко-культурного (археологического) наследия как культурной ценности (в том числе нематериальной) до последующего произошедшего ее выхолащивания, низведения «памятников истории и культуры» до «объектов недвижимого имущества».

Такие «реликты» возвращают нас к пониманию самостоятельной культурной ценности контекста и комплексного характера объектов археологического наследия, сочетающих в себе черты природных и историко-культурных объектов (Шухободский, 2011, с. 137). При таком подходе мы приближаемся к изначальным базовым положениям Европейской конвенции об охране археологического наследия, согласно которым, «объектами (элементами) археологического наследия считаются все остатки (останки), предметы (объекты) и

² Таким образом, применительно к некрополю при оперировании понятием «культурный слой» с целью, например, «подсчитать» ущерб от его повреждения или уничтожения ожидаем не только знакомое каждому археологу «здесь ничего ценного нет», но и активное включение в «аргументацию» всех известных правовых новелл – «археологических предметов» не обнаружено, следовательно, это не «культурный слой» и не «объект археологического наследия».

³ Очевидно, археологически уловимы материальные следы длившихся или регулярных «древних религиозных обрядов» и иных действий в исторической действительности. Там, где действия носили кратковременный, одномоментный, одноактный характер, материализация и, соответственно, последующая археологизация были минимальны.

любые другие следы человечества (человеческой деятельности) прошлых эпох... сохранение и изучение которых помогает восстановить (проследить) историю человечества и его связь с природной (окружающей) средой» (European Convention, art. 1).

Пока, правда, трудно представить реализацию такого «многослойного» подхода к некрополю, в том числе из-за размытости существующих легальных понятий объектов (элементов) археологического наследия и их соотношения, небезупречности системы достопримечательных мест, частью которой могли бы стать некрополи как «места совершения древних религиозных обрядов» и т.д.

Существуют также противоречия норм права с моральными и другими социальными нормами (Набиуллин, 2016, с. 217–228). В качестве некоторых тем для будущих специальных обсуждений видятся такие, как проблема верхних хронологических рамок захоронений (в контексте «столетнего рубежа» объектов археологического наследия); этические вопросы, связанные с подходом к останкам человека как к объекту антропологии, музейному предмету и другие.

В качестве иллюстрации можно вернуться к приведенному в начале публикации примеру с Крутогорским могильником, где обширный предмет обсуждения сужается до сугубо материального понимания и сводится к тому, что канализация размывает определенные площади, объемы культурного слоя, захоронения. Поэтому в рамках так называемых «мероприятий по сохранению» памятника возник вариант пустить канализацию также поверх площадки некрополя, но в сточной трубе. С таким «консенсусом» и «балан-

сом» между хозяйственной деятельностью и «сохранением» памятника трудно согласиться с позиции норм морали.

Если соотнесенность некрополей с системами культурно-природных ландшафтов в большей степени связана с эстетическим восприятием, их позиционирование как «мест совершения древних религиозных обрядов» вносило бы некую этическую составляющую. Оно рождало бы в известном смысле моральное, идеологическое восприятие как мемориального места, чего-то большего, чем антропологическое и анатомическое «могильник со скелетами», что особенно актуально для некрополей без надмогильных знаков и других выраженных внешних признаков.

Сохранение некрополей непосредственно связано с их государственной охраной, где первоочередными мероприятиями являются постановка на государственный учет, установка информационных надписей и обозначений. Представляется, что территории древних кладбищ, а также отдельные надмогильные камни должны быть ограждены.

Над надмогильными камнями необходимо предусмотреть навесы, организовать проведение реставрационных работ памятников. В то же время из-за неизбежной в последующем физической утраты надмогильных камней как минимум из-за неблагоприятного воздействия сил природы хотелось бы предложить провести специальную дискуссию о возможности переноса таких объектов в музеи, в условия, где обеспечены необходимые режимы их хранения, предусмотрев при этом соответствующую замену оригиналов качественными копиями.

ЛИТЕРАТУРА

- Булич А.К. Болгарские городища в Чистопольском кантоне ТАССР // Вестник Научного общества татароведения. 1926. № 4. С. 77–79.
- Гариф Н.Г., Исмагилов Н.Ф., Набиуллин Н.Г. Итоги археологических работ в окрестностях Джукетау (по материалам, полученным в ходе археологических изысканий, проведенных летом 2007 года в городе Чистополе) // Материалы Междунар. науч. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)» // Золотоордынское наследие / Отв. ред. И.М. Миргалеев. Вып. 1. Казань, 2009. С. 346–357.
- Набиуллин Н.Г. Могильники Джукетау (Часть I. Крутогорский могильник) // Краеведческие чтения и среды. Вып. 3: Материалы заседаний, прошедших в Национальном музее Республики Татарстан в 2002–2003 гг. Казань: РИЦ «Школа», 2003. С. 44–61.
- Набиуллин Н.Г. Новые исследования Староромашкинского комплекса археологических памятников // Средневековая Евразия: симбиоз городов и степи. Материалы II Междунар. Болгарского форума / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань, 2013. – С. 144–148.

- Набиуллин Н.Г.* О сохранении болгаро-татарских некрополей // Материалы III Междунар. конгресса исламской археологии в Казани / Отв. ре. Х.М. Абдуллин, А.Г. Ситдииков. Казань, Ин-т археологии АН РТ, 2016. С. 217–228.
- Хакимзянов Ф.С.* Язык эпитафий волжских болгар / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. М.: Наука, 1978. 206 с.
- Хамзин Р.Н.* Научный отчет о проведении археологических охранно-спасательных работ на объекте федерального значения «Джукетау» в 2015 г. Казань, 2016 / Научный архив ИА РАН. 255 л.
- Шухободский А.Б.* Объект археологического наследия как отдельный феномен культурных ценностей // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2011. Вып. 4. С. 136–140.

НОРМАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

European Convention on the Protection of the Archaeological Heritage (Revised). Valetta. 6.01.1992.

Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

Постановление Совета Министров РСФСР от 30.08.1960 № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР».

Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 20.08.1999 № 542 «Об объявлении культурного слоя комплекса «Джукетау» X–XV вв. – памятника археологии федерального (общероссийского) значения в Чистопольском районе Республики Татарстан историко-культурной заповедной территорией».

Информация об авторе:

Набиуллин Наиль Гатиатуллович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Российская Федерация), кандидат исторических наук; juketaw@mail.ru

About the Author:

Nabiullin Nail. G. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; juketaw@mail.ru